

Алекс Экслер

Кеша

(грустная повесть)

2018 г.

Алекс Экслер

Кеша

«Автор»

2018

Экслер А.

Кеша / А. Экслер — «Автор», 2018

Что происходит с человеком, когда он выходит на пенсию? Что происходит с человеком, когда он остается один и не знает, чем заполнить свою жизнь? Трогательная и грустная история о пенсионере Сергее Петровиче, чью жизнь наполнила смыслом маленькая собачка – померанцевый шпиц Кеша.

© Экслер А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Старт пенсии	6
Правильное питание	9
Смерть жены	10
Андрей и Людмилыч	11
Одинокая жизнь вдовца	14
Викуся	15
Элина	18
Приведение себя в порядок	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Аекс Экслер

Кеша (грустная повесть)

Сергей Петрович был невысоким лысоватым мужчиной мало чем примечательной внешности. Добродушный, неконфликтный, совершенно неамбициозный – он почти всю жизнь проработал в проектно-институте: тот имел большую значимость при Советском Союзе, во времена перестройки, как и почти все аналогичные институты, начал разваливаться, но их отдел все-таки выжил – благодаря новому молодому и энергичному начальнику, умевшему находить неплохие заказы.

В советские времена Сергей Петрович по работе продвигался очень медленно: он и сам не стремился к руководящим должностям, да и начальство ценило в Сергее Петровиче прежде всего безотказность и усидчивость, так что должность начальника отдела ему не светила.

Наступление пенсионного возраста Сергей Петрович встретил с замиранием сердца и на шуточные поздравления коллег реагировал несколько нервно: он очень боялся, что его отправят на пенсию, потому что совершенно не представлял, чем ему на этой пенсии заняться.

Он привык к своей работе, ему нравилось сидеть за чертежами, он любил их небольшой коллектив, где почти все были солидных возрастов и за долгие годы совместной работы так притерлись друг к другу, что у них давно уже не было никаких конфликтов и интриг, и эту комфортную обстановку Сергей Петрович очень любил.

Он проработал в этом отделе еще несколько лет, однако с наступлением очередного кризиса заказов резко поубавилось, энергичный начальник в поисках новых вариантов увлекся каким-то сторонним бизнесом, ну и в результате Сергей Петрович, проскучав несколько месяцев за пустым столом и подсчитав, что получаемая нынешняя зарплата «только на поддержание штанов», как говорил начальник, мало чем отличается от ожидаемой пенсии, на эту пенсию все-таки вышел, решив, что лучше там придумает для себя какое-нибудь занятие, чем будет просто так высиживать на работе.

В силу несколько депрессивной обстановки в отделе каких-то пышных проводов на пенсию Сергею Петровичу не делали, однако устроили трогательную вечеринку: дамы принесли собственноручно сделанные выпечку и салаты, мужчины обеспечили всякий немудреный алкоголь, в результате хорошо посидели и душевно пообщались, причем Сергей Петрович таки не выдержал и пустил слезу, когда осознал, что больше ему в этом помещении не работать и с этими людьми, скорее всего, не общаться.

Старт пенсии

Что делать на пенсии, Сергей Петрович решительно не знал. Как и полагается любому начинающему пенсионеру, он строил всякие радужные планы о том, что начнет писать картины, учить английский язык или заниматься авиамоделированием, но подкоркой мозга хорошо понимал, что у девяноста девяти целых и девяти десятых процента пенсионеров эти планы никогда не осуществляются.

Впрочем, сильно заскучать или распуститься Сергею Петровичу не дала его супруга, Софья Павловна, которая давно вышла на пенсию, перед этим проработав всю жизнь учительницей русского языка в средней школе.

Софья Павловна была старше Сергея Петровича на несколько лет, характер имела суровый и волевой, так что в семье совершенно однозначно играла первую скрипку. Более того, у Сергея Петровича тут даже совещательного голоса не было, потому что всегда и во всем именно Софья Павловна определяла, что и как будет происходить: какие обои поклеить, куда поехать в отпуск, на что потратить деньги, сколько отложить, когда пришла пора заменить Сергею Петровичу ботинки – и так далее.

В их небольшой, но трехкомнатной кооперативной квартирке в панельной девятиэтажке царил идеальная чистота. Софья Павловна была маниакальной чистюлей, и Сергею Петровичу, который всегда был немного рассеян и неряшлив, стоило больших трудов все делать так, чтобы не вызвать выговора или окрика со стороны супруги, которую он уважал и побаивался.

По этой причине он много лет назад бросил курить: супругу сначала раздражало то, что на кухне, где Сергею Петровичу поначалу разрешалось курить, вокруг пепельницы все время появлялся пепел, а потом, когда его изгнали на лестницу, Софью Павловну все время раздражала банка с окурками, которую она требовала вытряхивать после каждого похода на лестницу, а Сергей Петрович это забывал делать.

Так что во имя мира и согласия в семье Сергею Петровичу пришлось завязать с курением. С алкоголем он вообще был на «вы»: Софья Павловна алкоголь резко не одобряла, так что Сергею Петровичу максимум что позволялось – это пара рюмок коньяка по большим праздникам, так что ему обычно бутылки хватало на год, не меньше.

Во имя требований безукоризненной чистоты ему даже пришлось пойти и на некоторое унижение своего мужского достоинства: перфекционизм супруги в плане чистоты с каждым годом прогрессировал и как-то в очередной момент она категорически потребовала от Сергея Петровича справлять малую нужду сидя на унитазе – мол, стоя все равно разбрызгивается, а она не может после каждого похода мужа в туалет нестишь туда с тряпкой и ведром с мыльной водой.

Вот тут Сергей Петрович сразу не сдался. Поначалу он гневно отверг это непристойное, на его взгляд, требование, да и вообще – был возмущен таким открытым обсуждением столь интимной темы. Распалившись, он даже заявил, что всегда писает не на стены унитаза, а прямо в воду, а вода при падении в воду по сторонам не разбрызгивается, но Софья Павловна резко пресекла этот бунт на корабле, холодно предложив Сергею Петровичу после каждого процесса деуринации проводить ладонями по кафелю вокруг унитаза, а потом делиться с ней впечатлениями по поводу того, что же он там такого интересного обнаружил. А ты там обнаружишь немало интересного, зловеще пообещала Софья Павловна.

Перспектива водить ладонями по кафелю после каждого похода в сортир Сергею Петровичу показалась намного более унижительной, чем писать сидя, и он уступил настояниям жены, тем более что восседать на унитазе, чтобы просто отлить, оказалось вполне удобно и комфортно: можно древний календарь полистать, почитать о всяких исторических событиях, можно статейку в газете прочесть. В общем, есть чем заняться. Тем более – чего уж тут греха

таить – с возрастом важный мужской орган под названием простата у Сергея Петровича, как и у массы других мужчин, заметно увеличился в размерах, так что процесс деуринации протекал медленно и очень задумчиво, периодически совершенно останавливаясь. И буквально на второй день после перехода на новую для себя систему Сергей Петрович осознал, что так значительно удобнее.

Когда Сергей Петрович вышел на пенсию, Софья Павловна, как заслуженный педагог, отлично понимала, что она просто обязана мужа чем-то занять. Чем-то ежедневным, размеренным, приносящим пользу семье. Главное, считала Софья Павловна, – это плановость и четкое следование расписанию. Но в планировании должно быть и определенное разнообразие, чтобы это не превратилось в рутину.

В первый же пенсионный день Сергея Петровича она провела с супругом серьезную беседу, во время которой выработала следующие требования. Первое – Сергей Петрович не должен по утрам залеживаться в постели, так как это приводит к деградации. В семь утра ему вставать, конечно, уже необязательно, однако в будни крайне желательно подниматься не позже восьми – это дисциплинирует. Суббота, воскресенье – пожалуйста, сказала она, можно отсыпаться до полдевятого. Но не позже.

Второе – никакой расхлябанности в одежде и внешнем виде. Никаких халатов до обеда, никакой взъерошенности (тут Сергей Петрович подумал, что у него, в общем-то, и нечему особо ерошиться-то), никакой небритости. До завтрака – умывание, после этого нормально одеться, как полагается мужчине в возрасте: брюки, рубашка. В холодное время – вязаная кофта. Но никаких треников, сурово сказала Софья Павловна.

Потом завтрак, после завтрака – душ, обязательное бритье. А можно, робко спросил Сергей Петрович, я брюки и рубашку буду одевать после душа и бритья? А то это же сначала одевайся, потом раздевайся, затем снова одевайся...

Во-первых, сурово сказала Софья Павловна, не «одевать», а «надевать». Детей одевают. На себя надевают. Во-вторых, заявила она, во всем должны быть порядок и дисциплина. Если на завтрак придешь в трениках, потом и после душа наденешь треники. Так что будь добр, дорогой, на завтрак приходите в нормальном виде.

Сергей Петрович спорить не стал, и жизнь его потекла своим чередом. В качестве ежедневных занятий Софья Павловна ожидаемо предложила ему посильное участие в доведении квартиры до идеального санитарного состояния. Ежедневную влажную уборку полов она ему не доверила, а вот протирать пыль на полках влажной тряпочкой – это отныне стало его обязанностью.

Раз в неделю протирка пыли приятно разнообразилась необходимостью по очереди вытаскивать с полок все книги, коих было порядка четырехсот, протирать полку внутри, после чего ставить книги обратно.

Два раза в неделю надо было пылесосить половички и диваны, раз в две недели протирать хрусталь, раз в месяц чистить столовое серебро – в общем, занятий хватало.

Софья Павловна обожала разгадывать кроссворды по литературным произведениям, которые печатались в одном еженедельнике, и Сергея Петровича к этому приучила, хотя его успехи в разгадывании были на порядок скромнее, чем у нее.

Также они смотрели по телевизору новости, передачи канала «Культура» и некоторые ток-шоу, каковые было интересно обсуждать во время обязательной ежедневной прогулки по парку, на которую они выходили, если позволяла погода. Впрочем, полноценным обсуждением это назвать было трудно, потому что здесь обычно Софья Павловна безапелляционно высказывала свое мнение, а Сергею Петровичу позволялось или с этим мнением согласиться, или очень робко возразить, чтобы буквально через пять минут под воздействием дополнительных, еще более решительных доводов супруги тоже согласиться.

В своем подходе к занятости Сергея Петровича Софья Павловна, конечно, была совершенно права: он с удовольствием выполнял домашние поручения, увлекся просмотром культурных передач и ток-шоу, любил гулять по парку, казался полностью довольным своим пенсионным времяпрепровождением и не страдал никакой пенсионной депрессией.

Правильное питание

Единственная вещь, которая изрядно портила Сергею Петровичу существование в его новом пенсионном качестве, – это тяга Софьи Павловны к «здоровому питанию». Она и раньше увлекалась всякими новомодными течениями в диетологии, но до ее выхода на пенсию самого Сергея Петровича это как-то не касалось: ему позволялось питаться тем, что ему нравится, а всякие экзотические подходы к еде и ее компонентам Софья Павловна практиковала исключительно на себе. Да и то у нее это проходило как-то без особого фанатизма, потому что нагрузка в школе была большая и на «здоровом питании», да еще и в непростые девяностые годы, было не выгрести.

Однако когда она вышла на пенсию и сама изрядно заскучала – тем более что муж в тот момент еще продолжал работать, – вот тут-то у нее этот самый фанатизм и начался. Ситуация с каждым днем становилась все более запущенной, и довольно скоро дошло до того, что и Сергея Петровича супруга стала активно вовлекать в диетологический процесс, в результате чего он был лишен права класть в чай две ложки сахара, со стола на кухне исчезла солонка и мясо на ужин у Сергея Петровича стало появляться не каждый день, потому что «Брэгг не велит».

Почему она увлеклась именно Брэггом, который сто лет назад как устарел и чьи представления, как давно выяснилось, далеко не во всем верны, Сергей Петрович не знал. Видимо, супруге как попалась именно эта книжка в руки, так она и стала ее первой и последней диетологической любовью. В результате все в доме стало подчинено Полю Брэггу, который, как гласила легенда, погиб, катаясь на серфе, то ли в сто, то ли в двести лет, и у него при вскрытии, как неоднократно рассказывала супругу Софья Павловна, обнаружили организм тридцатисемилетнего мужчины.

«Ты хочешь организм тридцатисемилетнего мужчины?» – властно спрашивала Софья Павловна своего супруга, тоскующего по курочке или уточке, и он, вздыхая, делал вид, что да, очень хочет. Но перед этим хотя бы крылышко укусить, хотя бы крылышко...

Впрочем, пока Сергей Петрович еще работал, все было намного проще. В институтской кафешке у него над душой никто не стоял, и он имел возможность питаться тем, чем хотел. А вечером за ужином можно было и перетерпеть, тем более что Брэгг, со всеми своими завихрениями, все-таки рекомендовал питаться натуральной пищей и против овощного салата, фруктов и горстки орехов Сергей Петрович, в общем, не возражал.

Но по выходе на пенсию Софья Павловна за него взялась всерьез и один раз даже посадила на супернизкокалорийное питание, мотивировав это тем, что голодания страшно полезны для организма и что во время голодания он, организм, отлично очищается.

В результате Сергей Петрович позавтракал малюсеньким кусочком хлеба, в обед съел одно яйцо и не съел полагающийся ему малюсенький кусочек постной говядины, потому что случайно сжег его на сковородке, разогревая, на ужин, скрежеща зубами, съел две морковки и одно яблочко, ну и на следующий день утром он просто не смог встать с кровати и очень этого испугался. У него была жуткая слабость, ноги почти не слушались, руки почти не слушались, голова кружилась. Это было следствием сильного понижения уровня сахара, чего Сергей Петрович не знал, но у него организм сам подсказал, что надо делать: Сергей Петрович буквально дополз до кухни, отрезал кусок белого хлеба, намазал его маслом, сверху густо посыпал сахаром-песком, начал торопливо жевать, ну и через пару минут это пугающее состояние у него прошло.

Однако все это настолько его испугало, что он категорически восстал против попыток супруги пичкать его этим чертовым Брэггом вместо привычной еды, и она, пораженная твердостью позиции супруга, которым обычно могла помыкать как хотела, отступила, и Сергей Петрович вернулся к нормальному режиму питания.

Смерть жены

Размеренное и спокойное пенсионерское существование прекратилось для Сергея Петровича в один момент, когда Софья Павловна во время прогулки как-то очень странно выдохнула, приложила правую руку к груди и осела прямо на дорожку. Он страшно испугался, дрожащими руками пытался по телефону вызвать скорую, но все никак не мог попасть в кнопки – хорошо еще, что в парке было немало людей и кто-то из них позвонил врачам.

Люди помогли посадить Софью Павловну на скамейку, стоящую рядом с дорожкой, скорая, как ни странно, приехала довольно быстро, и Софью Павловну отвезли в больницу.

Она там пролежала два дня, и Сергей Петрович уже думал, что жена скоро пойдет на поправку, как вдруг на третий день Сергею Петровичу позвонили из больницы и сообщили, что у жены ночью случился еще один сердечный приступ и она умерла.

Самое странное, что Сергей Петрович, услышав это страшное известие, почти ничего не почувствовал. Точнее, он почувствовал некоторое облегчение. Ему, конечно, чисто по-человечески было жалко супругу, с которой они вместе прожили несколько десятков лет и вырастили сына Андрея, но никакой любви там давно уже не было, а в отношениях Сергея Петровича с супругой превалировал некий страх Сергея Петровича чего-то сделать не так, чтобы получить суровый такой чисто учительский выговор.

Когда Сергей Петрович работал, они общались намного реже и ему это все не так давило на психику, а после того, как он вышел на пенсию, состояние легкой нервозности и определенного стресса его преследовало постоянно.

И сейчас, получив такое известие, Сергей Петрович почувствовал, что его впервые за последнее время, что называется, отпустило. «Я теперь могу делать что хочу, – мысленно сказал Сергей Петрович, и это его очень обрадовало. – Я даже, – подумал он, – сейчас могу пойти в туалет и отлить стоя! Я же вообще уже забыл, как это делается!»

Сергей Петрович решительно направился в туалет, бодрым шагом подошел к унитазу, поднял крышку с сидушкой и... Но тут до него дошло, что ему же это все и убирать, после чего Сергей Петрович вздохнул, опустил сидушку, привычно взгромоздился на унитаз и стал думать, что ему в ближайшее время необходимо сделать – ведь нужно организовать похороны.

Похороны получились довольно скромными. Прилетел их сын Андрей – он последний десяток лет жил с семьей в Соединенных Штатах. Пришел друг детства Андрея Петя, с которым семья Андрея общалась довольно часто – Петя как бы взял над ними шефство после отъезда Андрея. Также пришли несколько родственников и завуч из школы, в которой работала Софья Павловна. Из ее учеников не пришел никто: честно говоря, Софью Павловну в школе не особенно любили за сухость и резкость. Ну и еще пришла Викуся – старая подруга семьи, которую одинаково любили и Сергей Петрович, и Софья Павловна, которая, если честно, мало кого любила. Но Викуся была настолько светлым, веселым и жизнерадостным человеком, что, когда она приходила к ним в гости, квартира как будто бы дополнительно освещалась.

Похоронили Софью Павловну на Востряковском кладбище, на поминки поехали только близкие родственники, Петя и Викуся. Посидели, повспоминали, немного выпили. Вот и все.

Андрей и Людмила

Через день после похорон Андрей затеял с Сергеем Петровичем серьезный разговор.

– Пап, – сказал он, – а давай ты подумаешь над тем, чтобы переехать к нам в Штаты, а? Что ты тут будешь делать один? Ты же знаешь, у меня там хороший дом с участком, места – полно, у тебя будет большая отдельная комната с ванной. Там и климат намного лучше, и жить комфортнее. Опять-таки – мы рядом, внучки рядом. Подумай, а? Может, не сразу, не завтра, но через некоторое время, например.

– Андрюш, – растерянно ответил Сергей Петрович, – да как же это мне – да вдруг уехать в Штаты? Я же совершенно советский человек. Там же все чужое: язык чужой, люди чужие...

– Да какие же чужие? – удивился Андрей. – Ты же будешь с нами. Мы же не чужие. И мы дома говорим по-русски, чтобы девчонки язык не забывали. Будет все как здесь, только намного комфортнее. Чего тебе киснуть одному в этой небольшой квартирке?

– По тем временам, – обиделся Сергей Петрович, – это была не небольшая квартирка, а отличные трехкомнатные хоромы! Я, чтобы ее купить, в Ташкенте два года отпахал после землетрясения.

– Все правильно, – быстро ответил Андрей, – тогда это была прекрасная квартира, я не спорю. Но мир меняется, жизнь меняется. Это же панелька: в соседнем подъезде кто-то чихнет – здесь все слышно. И тетка эта полоумная с нижнего этажа, которая все время приходит и требует, чтобы ты не смел ночью в тапках ходить в туалет, потому что она заснуть не может, – ты же мне сам недавно жаловался.

– Да, недостатки есть, – согласился Сергей Петрович. – Но это не повод переезжать в другую страну. Вот если бы ты в доме жил где-нибудь в Подмоскowie – это другое дело.

– Пап, я уже больше десяти лет живу в Нью-Джерси, – сказал Андрей, – при чем тут какое-то Подмоскowie? На черта оно мне? Я просто не хочу, чтобы ты здесь оставался один. Чем ты тут будешь заниматься?

– Да много чем буду заниматься, – ответил Сергей Петрович. – Читать буду, гулять. Телевизор смотреть. Может, английский начну учить – чтобы фильмы на языке смотреть.

Андрей недоверчиво посмотрел на отца – видимо, у него были серьезные сомнения в том, что отец сумеет должным образом организовать свою жизнь в одиночестве.

– Кроме того, – добавил Сергей Петрович, вздохнув, – даже если и не брать все доводы против переезда в совершенно чужую страну, есть один самый простой довод: я туда просто не доберусь.

– Это как это? – удивился Андрей.

– У меня аэрофобия, – объяснил Сергей Петрович. – Причем не просто аэрофобия, а полная несовместимость с самолетом.

Андрей удивленно смотрел на отца. Он об этом услышал в первый раз, но понимал, что Сергей Петрович не шутит и не выдумывает – это было совершенно не в его манере.

– Пап, подожди, – сказал Андрей, – я же помню, ты как-то в Сочи в командировку летал, правильно?

– Правильно, – подтвердил Сергей Петрович, – первый и последний раз в жизни. Вот тогда-то все и выяснилось – я долетел еле живой.

– Да что случилось-то? – потрясенно спросил Андрей.

– Мне так плохо никогда не было, – признался Сергей Петрович. – Как начало трясти еще в момент разбега, так потом не отпускало до посадки. Я плохо что помню, помню только, что стюардессы бегали туда-сюда, совали под нос нашатырь, врач какой-то из пассажиров что-то там со мной пытался сделать – все бесполезно. Дикая паника, трясучка, весь в поту – в общем, это что-то жуткое. Меня скорая потом у трапа встречала, сразу в больницу повезли.

– А почему я об этом не знал? – спросил Андрей.

– Ну, ты еще маленький был, – пожал плечами Сергей Петрович, – чего тебе такие вещи рассказывать.

– Слушай, а точно, – вдруг вспомнил Андрей, – ты же тогда поездом из Сочи вернулся. Мама все тогда злилась, что билет на самолет пропал и ты покупал билет на поезд. Ты еще ехал долго – больше двух суток.

– Ну да, – ответил Сергей Петрович, – покупал самый дешевый билет на пассажирский поезд, а он тащился черт знает сколько. Ты же помнишь, денег тогда было в обрез.

– И что, – спросил Андрей, – врачи-то что сказали?

– Так и сказали – аэрофобия в острой форме.

– И что посоветовали?

– Посоветовали больше никогда не летать на самолетах, – сказал Сергей Петрович. – Да я сам этот кошмар больше переживать не собираюсь. Там до Сочи-то лететь всего два часа – я чуть не умер. А до твоего Нью-Йорка сколько?

– Одиннадцать часов, – вздохнул Андрей. – Слушай, но сейчас же наука сильно продвинулась. Я знаю, что есть всякие лекарственные средства. Да и алкоголь эту аэрофобию, насколько я знаю, сильно успокаивает.

– Андрюш, я не хочу проверять, насколько меня это успокоит и успокоит ли вообще, – мягко сказал Сергей Петрович. – Но знаю, что у тебя будет шанс меня не довести живым. А оно тебе надо?

– Да нет, не надо, конечно, – растерянно сказал Андрей. – Так вот чего ты даже внучек повидать прилететь не уговорился?

– Ну да, – кивнул Сергей Петрович. – Просто неудобно как-то это объяснять. Но у меня тогда не только в этот полет проблемы были. Помнишь, я после возвращения в лифтах перестал ездить?

– Вот это помню, – оживился Андрей. – Ты мне еще говорил, что это полезно для здоровья – зарядка такая. Да, – еще вспомнил он, – ты же тогда на день рождения Викусы на двадцать второй этаж пешком поднимался, мама тогда очень злилась.

– Последствия, – объяснил Сергей Петрович. – Дикая клаустрофобия. Слава богу, через пару лет постепенно прошло.

– М-да, дела, – вздохнул Андрей.

– Ну вот видишь, – сказал Сергей Петрович, – так что тут даже обсуждать нечего. Не вариант это для меня, увы.

Андрей, тяжело вздохнув, с ним согласился.

На следующий день Андрей пригласил к ужину своего старого школьного друга Петю.

Петя был мужиком очень колоритным. Он с детства остался без отца: родитель Пети предпочитал порхать по жизни мотыльком и не обременять себя какими-то обязательствами, поэтому когда он выяснил, что младенец дома создает существенный дискомфорт, то сначала начал пропадать на несколько дней, якобы уезжая в «командировки», а в какой-то момент из очередной такой «командировки» просто не вернулся: как потом выяснила Петина мама Людмила Андреевна, он нашел в другом городе работу с предоставлением проживания и просто сбежал туда.

Людмила Андреевна маленького Петю против отца специально не настраивала, однако реальной ситуации не скрывала, так что Петя вырос с чувством глубочайшего презрения к своему родителю, который за все это время даже не удосужился выяснить, как там вообще его ребенок. Петя с детства хорошо видел, как тяжело вкалывает его мама, чтобы обеспечить сыну нормальное существование, научился это ценить, и они с матерью были очень близки.

Поэтому, когда Петя пошел получать паспорт, он категорически потребовал поставить себе в отчестве «Людмилович» вместо имени ненавистного родителя. Был большой скандал,

работники загса утверждали, что это не положено, а раз не положено, то они и не положат, но Петя уже в юности имел очень мощные габариты и, когда ему это было нужно, делал на редкость угрожающий взгляд, так что непонятно какими путями, но ему в паспорт отчество так и записали.

Причем потом, во время учебы в институте, Пете страшно нравилось, когда его называли Петр Людмилович или просто Людмилыч, ну и в результате его потом по жизни почти все так и называли – разве что кроме Андрея, который его как привык называть Петькой, так уже и не собирался переучиваться.

В школе Петя с Андреем очень сдружились с первого же класса. Причем они были очень непохожи: Петя – эдакий задиристый крепыш-боровичок, Андрей – худенький хлюпик в очках. Петя занимался спортом, поднимал гири, и его боялись даже признанные школьные хулиганы, а Андрей много читал и учился только на отлично. И у них получился хороший симбиоз: Петя защищал Андрея от любых нападков, а Андрей помогал другу с уроками.

Петя часто бывал в доме Андрея и очень хорошо относился к Сергею Петровичу. А вот Софью Павловну он недолюбливал, тем более что она, в свою очередь, почему-то недолюбливала его маму: почему – никто не знал.

Петя с Андреем часто общались и во время учебы в различных институтах – Андрей поступил в Физтех, а Петя пошел учиться на хирурга в медицинский, – также не прекращали общение и после учебы. А когда Андрей уехал в Штаты, то он сначала названивал другу по телефону, используя какие-то хитрые американские способы, чтобы не платить много денег, а позже, когда появился Skуре, они перешли на Skуре и созванивались пару раз в месяц.

Сергей Петрович, узнав, что Андрей к ужину пригласил Петю, очень обрадовался и побегал в магазин за продуктами и бутылочкой водки – Людмилыч кроме водки и пива никакой другой алкоголь не признавал. Андрей же по своей американской привычке предпочитал виски с содовой и со льдом.

Вечером за ужином, когда все собрались, Андрей сделал Сергею Петровичу и Людмилычу неожиданные презенты: он каждому вручил большую белую коробку, внутри которой лежал невероятно красивый серебристый ноутбук с надкушенным яблочком на верхней крышке.

Людмилыч начал было возмущаться тем, что друг делает такие дорогие подарки, но Андрей сказал, что это за пропущенные дни рождения и что он, как лучший специалист крупной ай-ти-компании, такие штуки получает с огромной скидкой и, можно сказать, почти бесплатно, так что забирай, дорогой друг, подарок и не морочь мне голову.

– Мне же лучше, – сказал Андрей, – у тебя ноутбук-то совсем старый и хилый, Skуре плохо вытягивает. А теперь будет красота!

– Это да, – согласился Людмилыч. – Сам знаешь, на зарплату хирурга ни разу не разгуляешься. Давно хотел ноут поменять, да все то одни траты, то другие.

– Ну вот, – сказал Андрей, – значит, будет совсем кстати. Кроме того, мне и с другой стороны очень выгодно, что у тебя будет такой же ноутбук, как и у папы. Я ему здесь настрою всякий Интернет со скайпом, а если что-то не будет работать – ты же ему и поможешь, правильно?

– Да без проблем, конечно, – сказал Людмилыч. – Я же тут все время рядом.

Так Сергей Петрович стал владельцем замечательной машинки, с помощью которой он мог выходить в Интернет, обмениваться письмами и проводить видеоконференции с сыном и внучками.

На следующий день Андрею предстояло возвращаться в Штаты, ну и перед отъездом он договорился с отцом о том, что они будут выходить на связь по средам в семь часов вечера по Москве.

Андрей улетел, и Сергей Петрович остался один в их трехкомнатной квартире.

Одинокая жизнь вдовца

То, чего боялся Андрей, произошло довольно быстро. Без строгого надзора Софьи Павловны Сергей Петрович расслабился и от бывшего безукоризненного порядка, который поддерживался при жизни супруги, не осталось и следа.

Сначала Сергей Петрович отказался от нормальной одежды и перешел на бесформенные треники со старой кофтой, а потом и вовсе, по крайней мере до обеда, ходил по дому в старом заношенном халате.

С посудой тоже все стало совершенно по-холостяцки. Посудомойки в квартире не было, да и ее негде было воткнуть на малюсенькой кухоньке, мыть посуду Сергей Петрович не любил, поэтому он перешел к режиму «будем мыть, когда чистые тарелки закончатся». В результате в раковине стала скапливаться посуда, которая через некоторое время начинала создавать определенное не слишком приятное амбре, а чем больше тарелок и стаканов скапливалось, тем страшнее Сергею Петровичу было приступать к мытью.

С уборкой все было еще хуже. При жизни Софьи Павловны Сергею Петровичу четко указывалось, что и чем пылесосить, протирать и чистить, он как-то не особо запоминал, что и куда, а также какие средства при этом использовать, так что из всей уборки он разве что изредка пылесосил комнаты да подметал пол на кухне – когда обстановка становилась совсем вопиющей.

Пыль на полках он протирал очень редко, его эта пыль не сильно волновала, о том, что нужно протирать мебель, особенно кухонную, он как-то даже и не задумывался, ну и в результате через какие-то несколько месяцев квартира стала представлять собой зрелище достаточно плачевное.

Но на то, что происходит в квартире, Сергей Петрович внимания особо не обращал: я же вдовец, говорил он сам себе, у всех вдовцов дома порядок – очень так себе.

И по той же причине за своим внешним видом он следил ненамного лучше, чем за квартирой, – а кому мне показываться, спрашивал он сам себя. По всему выходило, что некому, поэтому и стараться смысла нет.

Викуся

Как-то раз Сергею Петровичу позвонила та самая Викуся – давняя подруга семьи, которая была на похоронах. Сергей Петрович, услышав ее голос в трубке, страшно обрадовался и долго разговаривал с ней о том о сем. Впрочем, когда Викуся предложила через пару дней заскочить в гости – она как раз должна была заехать в этот район, – Сергей Петрович сначала растерялся: он вдруг посмотрел на окружающую обстановку совершенно новым взглядом и понял, что вот сейчас пригласить сюда он никого не может. «Впрочем, – тут же подумал он, – еще же два дня, успею убраться». И, так как пауза стала затягиваться, он торопливо ответил, что да, Викусик, буду страшно рад, жду. Тогда в пятницу часиков в шесть, сказала Вика и распрощалась.

Сергей Петрович тут же бросился в омут генеральной уборки. Какие средства и для чего использовать, он, конечно, не помнил совершенно, но красивая серебристая машинка, внутри которой находилась такая волшебная штука, как Интернет, ему в очередной раз помогла: Сергей Петрович уже более или менее научился пользоваться поиском, так что минут через десять изучения сайтов он уже знал, за какими чистящими средствами ему нужно бежать в магазин.

За два дня квартира была отдраена до полного блеска и теперь выглядела почти так же, как в те времена, когда в ней безраздельно господствовала Софья Павловна.

Сергей Петрович так умаялся со всеми этими уборками, что только за пару часов до прихода Викуси сообразил, что собой-то он так и не занялся. Он только и успел побриться, принять душ, высушить волосы и с грехом пополам погладить свежую рубашку с костюмными брюками, как Вика уже звонила в дверь.

– Ну, привет, Серёнь, привет, – сказала Вика, заходя в коридор.

Сергей Петрович поздоровался, помог Викусе снять плащ и предложил пройти на кухню.

На кухне, когда Вика устроилась за столиком, Сергей Петрович снова с ужасом сообразил, что он вообще не подумал о том, чем будет угощать гостью. В полной растерянности он открыл дверцу холодильника и спросил:

– Викусь, чем тебя покормить?

– Серень, да ничего не надо, – сказала Вика, – я же только что со встречи из кафешки – там перекусила.

Сергей Петрович облегченно вздохнул и захлопнул дверь.

– Тогда, – сказал он, – может, коньячка по рюмочке? Лимон у меня есть.

– Коньячка – это я всегда. Можно даже и по две рюмочки, чего там мелочиться-то? – ответила Викуся и засмеялась так, как умела смеяться только она: невероятно зажигательно и заразительно.

Сергей Петрович невольно засмеялся вместе с ней и пошел к шкафчику, в котором стоял коньяк.

Сам Сергей Петрович практически не пил: Софья Павловна алкоголь типа как резко не одобряла, хотя сама была не прочь на праздниках махнуть пару-тройку бокальчиков «Киндзмараули» или «Хванчкары». Сергей Петрович вино не любил совсем, предпочитал коньяк, поэтому на праздниках выпивал одну-две рюмки.

После смерти Софьи Павловны Сергей Петрович коньяк домой не покупал, но ему Людмила, когда заезжал проведать, раза три привозил бутылку какого-то хорошего коньяка: ему пациенты часто дарили алкоголь, а Людмила, кроме водки и пива, ничего не признавал вообще, так что коньяк постоянно раздаривал друзьям.

Сергей Петрович посмотрел внутрь шкафчика, из трех бутылок выбрал самую красивую с надписью «Hennessy X.O.», взял пару стопочек, поставил это все на стол, достал из холодиль-

ника уже слегка пожухший, но пока еще живой и сохранивший жизненные соки лимон, порезал его в блюдечко и сел за стол напротив Викусы.

– Ну, – сказал он, налив в стопки коньяка, – давай выпьем за встречу.

Выпили, выдохнули, закусили лимончиком.

Потом примерно с полчаса они вспоминали всякие события из прошлого: совместные праздники, походы в театры, шашлыки на даче Сергея Петровича и Софьи Павловны. Под «дачей» подразумевался маленький, потемневший от времени щитовой домик на шести сотках под Солнечногорском, но шашлыки там получались вкуснейшие.

Наконец, когда все вроде повспоминали и обсудили, Викуся перешла к цели своего визита.

– Ну, Серёнь, – спросила она, – а ты сам как теперь живешь-то вообще?

– Да вообще нормально живу, – немного растерявшись, ответил Сергей Петрович. – А что?

– Ну, чем ты вообще занимаешься, как хозяйство ведешь?

– Да много чем занимаюсь, – сказал Сергей Петрович. – Телевизор смотрю, гуляю. Еще английский язык учу, – зачем-то соврал он. – В общем, дел хватает.

– А с хозяйством-то как – не тяжело одному? – спросила Викуся.

Сергей Петрович совсем растерялся. Он не очень понимал, куда подруга клонит. И вдруг ему в голову пришла мысль о том, что, может, Вика хочет предложить как-то совместно справиться с бытом: Вика давно жила без мужа, дочь у нее выросла и уехала в другой город.

Эта мысль Сергея Петровича привела в ужас: Викуся все-таки была именно старая подруга и он не мог себе представить, что у него с ней будут какие-то отношения – это сразу резко все меняло и все портило.

– Да... это... да нет, нормально, – сказал он неуверенно. – Я же один, чего там. Две тарелки сполоснул, пол подмел, пыль протер. Свободного времени у меня много.

– А питание? Небось все всухомятку? – не отставала Викуся.

– Почему это всю... всухомятку? – обиделся Сергей Петрович. – Я всякие полуфабрикаты покупаю, салаты, курицу гриль у нас тут рядом продают. Так что все нормально.

– Ну, смотри, – сказала Викуся. – Я просто тебе хотела помощь предложить.

– Да все нормально, Викусь, все нормально, – забормотал Сергей Петрович. – Тем более чего мне тебя напрягать? Ты у нас дама деловая, занятая.

– Я-то тут при чем? – удивилась Вика. – Нет, я-то, конечно, всегда помогу, но я имела в виду, что тебе хорошо бы домработницу завести.

Сергей Петрович облегченно вздохнул. Домработницу. Это же совсем другое дело, тут таких морально-этических проблем нет.

– А-а-а-а-а, – догадалась Викуся, – так тебе Софа, видимо, не рассказала?

– Не рассказала, – подтвердил Сергей Петрович. – А что не рассказала? – спохватился он.

– Так у меня уже несколько лет свое агентство есть, – объяснила Вика. – Няни, домработницы, помощницы по хозяйству и все такое. Штат небольшой, но тщательно проверенный. Могу тебе подобрать подходящий вариант. Тебе на каждый день она совершенно не нужна, а вот пару раз в неделю, чтобы как следует убралась и наготовила на пару-тройку дней, – самое оно. Ты подумай, вещь хорошая: и тебе не напрягаться, и еда будет домашняя, а то знаю я эти полуфабрикаты да салаты.

Сергей Петрович задумался. А и правда – мысль действительно была хорошая. Зачем самому напрягаться с этими уборками? Да и по домашней еде он соскучился: полуфабрикаты да салаты, если честно, были очень так себе, а временами и вовсе находились на грани перехода в совершенно другую область свежести. Просто Сергей Петрович, как советский человек, совершенно не привык к понятию того, что кто-то может его обслуживать, поэтому такая мысль ему не приходила в голову.

– У тебя же какие-то деньги на это есть, правильно? – продолжала Вика.

– Есть деньги, есть, – ответил Сергей Петрович. – Причем намного больше, чем нужно. Мне же Андрюшенька каждый месяц присылает, хотя я его просил этого не делать. А мне на что тратить? Не на что. Квартира своя, коммунальные платежи маленькие, на еду я трачу копейки. Денег полно.

– Ну вот и славно, – обрадовалась Вика. – Все, решено, подбираю тебе какую-нибудь работающую даму, будет к тебе ходить, например, по понедельникам-четвергам. Или по вторникам-субботам – как тебе удобнее.

– Давай по понедельникам-четвергам – самое оно, – предложил Сергей Петрович.

– Как скажешь, – ответила Вика. – У тебя какие предпочтения? Помоложе – постарше, разговорчивая – молчунья, веселушка – суровая?

– Ну, скажешь, предпочтения... – смутился Сергей Петрович.

– А что такого? – удивилась Вика. – У меня разные работают. Может, ты излишне болтливых не любишь. А может, наоборот, поговорить с кем-то хочется. Зачем себя ограничивать?

– Ну, – подумав, сказал Сергей Петрович, – желательно не слишком возрастную, но и не совсем молодую. Так, средних лет. И не суровую – не надо мне суровую. Но и чтобы не слишком болтливую, а то знаю я такие варианты – никакой жизни не будет.

– Серёнь, ты не волнуйся, – сказала Викуся. – У меня со всеми проводится четкий инструктаж по поводу того, как себя вести с клиентами. Если клиент не проявляет желания общаться, то даже самая болтливая не будет с разговорами приставать – у нас с этим строго. У меня же фирма, а не какие-то там частные тетки непонятно откуда. Инструктаж, контроль и все такое. Кроме того, у тебя на фирме блат на самом верху. Не понравится – звякнул мне, на следующий же день будет замена состава, – и Викуся оглушительно захохотала.

Сергей Петрович засмеялся вместе с ней. С каждой минутой идея завести домработницу ему нравилась все больше и больше. Да и живая душа в доме – это тоже был плюс: Сергей Петрович себе в этом старался не признаваться, но одному в трехкомнатной квартире ему все-таки было слегка неуютно.

– Ладно, договорились, – сказала Викуся, отсмеявшись. – Я тогда сегодня же вечером обмозгую варианты, пришлю тебе ссылок на их профили – посмотришь на фотки и так далее. Внешность тоже должна нравиться, правильно? Ты же все-таки мужчина!

– Я все-таки мужчина, – признался Сергей Петрович, у которого приятно шумело в голове от коньяка.

– Все, давай, наливай на пососок, – скомандовала Викуся, одновременно доставая мобильник, чтобы вызвать такси. – И e-mail свой запиши, ты ведь пользуешься, правильно?

– Пользуюсь, – ответил Сергей Петрович, – мне Андрей все настроил, он мне сам туда периодически пишет.

– Ну и славно, – сказала Викуся и стала разговаривать с диспетчером такси.

Элина

Викуся действительно ближе к ночи прислала Сергею Петровичу на почту несколько ссылок на профили потенциальных домработниц. Но Сергей Петрович их сразу открывать не стал, решив, что в этом деле торопиться не надо, а у него сейчас восприятие искажено алкоголем, так что он лучше завтра все поизучает, на свежую голову.

На следующий день Сергей Петрович встал поздно: предыдущей ночью он долго не мог заснуть, будучи перевозбужденным разговором с Викусей и предстоящими переменами в его жизни.

Он позавтракал, вымыл посуду, оделся в цивильную одежду, а не в треники, сел за стол, раскрыл ноутбук и стал изучать присланные варианты.

Викуся прислала ему пять ссылок. По первой ссылке открылась страница с фотографией женщины лет сорока с не очень приятным лицом и именем Арина Родионовна.

– Извиняйте, я вам не Пушкин, – неумело сострил Сергей Петрович и нажал следующую ссылку.

На фото была белокурая женщина с несколько жалобным выражением на лице. Звали ее Елена Дмитриевна. Сергей Петрович пожал плечами – жалобное выражение ему не понравилось.

Открыв третью ссылку, Сергей Петрович даже вздрогнул: женщина на фото по имени Лариса Сергеевна очень сильно напоминала Софью Павловну, только была лет на двадцать моложе. Видимо, Викуся специально прислала ему этот профиль, но Сергей Петрович сразу же решил, что этот вариант ему не годится.

На профиле из четвертой ссылки Сергей Петрович завис надолго. На фото была очень приятная на вид улыбающаяся молодая дама тридцати пяти лет – возраст там указывался – с такой яркой восточной внешностью. На взгляд Сергея Петровича, она была просто красавицей, да и выражение ее лица ему очень понравилось – оно прямо-таки излучало доброту. А на щеках при улыбке у нее были видны маленькие ямочки, которые Сергея Петровича почему-то страшно умилили и даже взволновали. Звали ее Элина. В профиле было написано, что она – российская гражданка, русская, православная. Там также перечислялась куча всяких работ, которые она может делать по дому, указывалось, что она любит и умеет готовить, причем знает блюда русской, кавказской и средиземноморской кухни, может кормить вегетарианскими блюдами, низкокалорийными блюдами и так далее.

Открыв пятую ссылку, Сергей Петрович страницу почти сразу закрыл – там было скучное лицо какой-то женщины, а он для себя сразу решил, что выберет Элину, остальные ей и в подметки не годились.

Закрыв крышку ноутбука, Сергей Петрович сразу позвонил Викусе и сказал, что ему больше всего понравилась Элина.

– Хорошо, – ответила Вика, – правильный выбор. Впрочем, у нас все работницы хорошие, но Элина – она очень приятная в общении, да и очень трудолюбивая. Она сейчас как раз занята четыре раза в неделю, а понедельник и четверг у нее свободны – кроме вечеров, но у тебя, я думаю, она будет успевать все делать часов за пять, так что будет приходиться, например, с девяти до трех. Нормально?

– Годится, – ответил Сергей Петрович. – Что от меня нужно?

– Да ничего, – сказала Вика. – Сегодня суббота, давай она в понедельник прямо к девяти и придет. Начнет работать, а ты посмотришь, как и что. Если вдруг будет какой-то негатив – ну, позвонишь мне, как договорились, заменим ее еще на кого-нибудь.

– Хорошо, – ответил Сергей Петрович. – Тогда жду в понедельник в девять.

– Договорились. Кстати, – хмыкнула Вика, – я почему-то подумала, что ты выберешь Ларису Сергеевну.

– Да, – заметил Сергей Петрович, – я тоже почему-то так и подумал, что ты так и подумаешь.

И замолчал.

– Ну, – через несколько секунд произнесла Вика, явно не зная, что еще сказать, – ладно тогда, счастливо. В понедельник Элина у тебя, а ты там потом дай знать, как и что.

– Договорились, – ответил Сергей Петрович, – спасибо тебе, Вика, большое.

– Да не за что, – ответила Вика и повесила трубку.

* * *

К визиту Элины Сергей Петрович специально не готовился, однако постарался удержать статус-кво квартиры после генеральной уборки, да и посуду за собой сразу мыл – ему не хотелось предстать перед Элиной заросшим грязью старикашкой.

В понедельник он подскочил аж в шесть утра – несмотря на то, что опять вчера долго не мог заснуть и пару часов нервно ворочался в постели.

К девяти часам Сергей Петрович был при полном параде: побритый, одетый в костюмные брюки (собственно, других у него не было, в его гардеробе было два костюма: ежедневный, в котором он ходил на работу, и парадный для праздников, а также пара костюмных брюк соответствующих цветов на замену) и светлую рубашку.

Звонок в дверь раздался в девять часов и две минуты. Сергей Петрович открыл дверь – там стояла именно та самая женщина, которая была изображена на фотографии, и Сергей Петрович подумал, что вживую она выглядит еще лучше. А то мало ли что, подумал Сергей Петрович, фотографию обработали, прыщи замазали или еще что. Но нет, тут все было честно.

– Доброе утро, Сергей Петрович, – сказала Элина, заходя в квартиру.

Она сняла плащ и осталась в простеньком цветастом платье, которое ей чрезвычайно шло и подчеркивало ее очень неплохую фигуру.

– Ну, вот, – несколько растерянно сказал Сергей Петрович, обводя рукой тесный коридорчик, – это моя обитель.

– Хорошо, – кивнула Элина и улыбнулась. – Давайте я посмотрю, как тут и что, вы выскажете свои пожелания, а потом мы обсудим, что я вам буду готовить.

Сергей Петрович провел Элине экскурсию по квартире, и она предложила, что в понедельник будет заниматься кухней, санузлом и гостиной, а в четверг – спальней и третьей комнатой, которой Сергей Петрович почти не пользовался – в ней останавливался Андрей, когда приезжал в гости.

– Понятно, – сказала Элина, изучив кухню. – Теперь давайте определимся с готовкой. Вы что и как предпочитаете?

– Ну, – замялся Сергей Петрович, – знаете, я ко всяким разносолам не привык. Обычные российские блюда – ну, не знаю там, борщ, котлеты, мясо тушеное...

– Ясно, – ответила Элина. – Хорошо, я тогда начну готовить на свое усмотрение, а вы будете честно говорить, что вам нравится, а что нет. Не стесняйтесь и не бойтесь меня обидеть: мне важно подстроиться под ваши вкусы.

– Я не могу обидеть такую милую даму, – неожиданно для себя выдал Сергей Петрович. Элина в ответ на это улыбнулась.

«Слава богу, не обиделась», – подумал Сергей Петрович.

После этого они договорились о том, что Элина во время каждого прихода будет составлять список продуктов на следующий раз, а задачей Сергея Петровича будет обеспечить покупку этих продуктов.

Ну и после этого женщина принялась за уборку, а Сергей Петрович пошел писать письмо Викусе о том, что пока вроде все в порядке, а дальше будет видно.

Элина вошла в холостяцкую жизнь Сергея Петровича быстро и как-то очень естественно. С ней ему, конечно, было на порядок комфортнее, чем одному, и уже через две-три недели Сергей Петрович совершенно не понимал, как он без нее жил раньше. Теперь его квартира блистала чистотой, на плите и в холодильнике ждали очень вкусные блюда – Элина действительно отлично готовила, – стоило это достаточно небольших денег, которые у Сергея Петровича на это были, – в общем, как говорится, странно, что эта мысль не пришла ему в голову раньше. «Спасибо Викусе, – думал Сергей Петрович, – спасибо Викусе».

Викуся не обманула: с разговорами Элина к нему вообще не приставала. Приходила, здоровалась, тут же начинала уборку, потом готовила обед, предложения Сергея Петровича присоединиться к обеду категорически отвергала, говоря, что вообще не обедает и ест только утром и вечером, к трем часам дня все заканчивала, прощалась и уходила.

Пару месяцев Сергей Петрович жил в таком режиме и не мог нарадоваться. Он периодически в письмах благодарил Викусю, в сеансах по скайпу хвастался Андрею тем, как отлично теперь выглядит квартира, а периодически заезжающего Людмилыча потчевал приготовленными Элиной блюдами, и тому, привыкшему питаться чем придется, настолько понравилось, что он стал заезжать каждую неделю, а то и два раза в неделю – Сергей Петрович даже попросил Элину готовить побольше в расчете на визиты Людмилыча.

Как-то раз Сергей Петрович не выдержал, пришел на кухню в то время, когда Элина готовила обед, налил себе чашку чаю и завел с женщиной ни к чему не обязывающую беседу по поводу погоды за окном – противной и дождливой, как всегда, – ее работы домработницей, поспрашивал, какие средства лучше всего использовать для уборки, ну и так далее.

Элина никаких признаков неудовольствия не высказала, в разговор вступила охотно, и они поболтали о том о сем.

И в следующий раз Сергей Петрович пришел на кухню во время готовки, чтобы поболтать, и в следующий.

В очередной раз, когда Сергей Петрович снова предложил Элине присоединиться к нему за обедом, она все-таки села за стол, но ничего есть не стала, а налила себе чаю и достала из сумки принесенный ею круассан.

Разговоры у них становились все душевнее и душевнее. Сергей Петрович пытался узнать побольше о ее жизни, но Элина о себе рассказывала очень неохотно: единственное, что он узнал, – это то, что Элина родилась вроде бы в Челябинске, родителей своих не знает, воспитывалась в интернате. Поэтому, собственно, ее и записали русской – несмотря на явно восточную внешность. А вот кто по национальности были ее родители, она не знает и вряд ли когда-нибудь узнает. А с интернатом, как-то рассказала Элина, ей повезло: интернат был хороший, там была отличная директриса, искренне любящая детей, и работников интерната она подбирала соответствующих.

О том, как она попала в Москву, где живет и чем еще занимается кроме уборки, Элина рассказывала очень мало. Упомянула только, что закончила техникум по всяким портняжно-пошивочным специальностям, некоторое время работала в ателье, но эта работа ей не понравилась, поэтому в конце концов переквалифицировалась в домработницы, тем более что она всегда любила готовить. В ателье, рассказала Элина, зарплату платили очень так себе, а у домработницы работа сдельная, так что выходит значительно больше, особенно если не лениться и пахать по восемь-десять часов в день.

Сергей Петрович очень быстро привык к их беседам, и в дни, когда Элина не приходила, ему их очень не хватало.

Приведение себя в порядок

В какой-то момент Сергей Петрович посмотрел на себя новыми глазами – не вдовца-одиночки и старого замшелого гриба, а еще не старого мужчины, в дом которого приходит молодая и привлекательная женщина. Не то чтобы он имел на Элину какие-то планы, однако она его явно привлекала, и Сергею Петровичу хотелось перед ней выглядеть не замшелым грибом.

Он вдруг понял, что костюмные брюки без пиджака выглядят достаточно неуместно, а надевать костюм дома – это совсем перебор, что светлых рубашек у него всего две, что ему давно пора подстричься, однако мужская модельная стрижка за двести рублей, которую он обычно делал в ближайшей к дому убогой парикмахерской, превращала его из замшелого гриба в ужасно подстриженного замшелого гриба. И что вообще, дружок, сказал себе Сергей Петрович, надо уже заняться собой. Ведь жизнь-то не закончилась, жизнь – она совсем не закончилась.

И он действительно начал заниматься собой. Прежде всего отправился в магазин за рубашками и новыми ботинками. Обувь-то он с грехом пополам купил, а вот с рубашками получилась беда: Сергей Петрович где-то на развале увидел удивительно дешевые китайские рубашки, с налета купил их аж десять штук, утешая себя мыслью о том, что он крупно сэкономил, а когда вернулся домой, то выяснил, что рубашки, во-первых, совершенно негодного качества и выглядят ужасно, а кроме того, указанный сорок второй размер на деле больше похож на тридцать седьмой – рубашки на него просто не налезали.

Тогда он дал себе зарок больше ничего не покупать на развале, отправился в приличный магазин и купил несколько неплохих рубашек, которые предварительно померил. Да, они стоили недешево, но по сравнению с китайским барахлом смотрелись на порядок лучше. Правда, уже дома, разглядывая лейбачки у рубашек, Сергей Петрович выяснил, что они также произведены в Китае, но раз сидели нормально и смотрелись хорошо – какая, вообще говоря, разница, где их произвели, сказал сам себе Сергей Петрович.

С остальным гардеробом у Сергея Петровича возникли сложности. Он просто не знал, что ему покупать: всю жизнь ходил в костюмах на работе и по праздникам, а дома и на даче – в спортивном костюме модели «„Динамо“ бежит».

Сильно стесняясь, он позвонил Людмилычу и попросил совета. Людмилыч, не выказывая никакого удивления, сказал, что он сам собрался в субботу прошвырнуться в большой торговый центр за одежками, и предложил составить ему компанию.

В магазине они подобрали Сергею Петровичу джинсы и слаксы, спортивный пиджак и еще рубашки под это дело. Насчет джинсов у Сергея Петровича были большие сомнения, он их в жизни не носил, однако посмотрелся в зеркало и понял, что Людмилыч прав: он в них и выглядел хорошо, и носить их было удобно, ну и с точки зрения практичности джинсы были оптимальным вариантом.

Следующий вопрос касался стрижки. Как подступиться к парикмахерским, Сергей Петрович не знал. У Людмилыча совета было спрашивать бесполезно: Людмилыч носил длинные волосы и бороду. Бороду он подравнивал сам, а волосы ему раз в пару месяцев подрезала мама – тратиться на парикмахеров Людмилыч не считал нужным.

Он поспрашивал у своих знакомых похожего с ним возраста, но там ему тоже ничего толкового не сказали. Одного стригла жена, другой брился налысо, третий стригся за двести рублей и его все вполне устраивало.

Тогда Сергей Петрович связался с Викой, чтобы проконсультироваться на эту тему. Вика сказала, что ее мастер стрижет только женщин, но посоветовала поискать салоны-парикмахерские, где мужская стрижка стоит не менее шестисот рублей, а далее, сказала Вика, пробовать

различных мастеров, пока не найдет устраивающего, иначе никак. Только метод проб и ошибок, сказала Вика. В конце концов, тебе же не для правительственного приема, пару раз можно и наколоться, твердо заявила Вика.

Сергей Петрович походил по району и нашел там несколько салонов, интерьер и расценки которых указывали на определенные претензии по качеству.

Ему сразу повезло: мастер Ирина, к которой он сел совершенно наобум, подстригла его очень прилично – Сергей Петрович прям заулыбался, глядя на себя в зеркало. Но с Ириной была одна проблема: она была страшно суровой и неулыбчивой, а в процессе стрижки просьбы опустить голову, поднять голову, закрыть глаза и так далее отдавала совершенно непрекаемым тоном в виде команд, за неисполнение которых клиент, скорее всего, приговаривался к расстрелу через повешение в кипящем масле.

Сергея Петровича эта манера пугала и раздражала, так что после единственного визита он решил, что поищет другого парикмахера.

Следующего парикмахера звали Толик. Это был дружелюбный парень лет тридцати, который Сергея Петровича подстриг на эдакий слегка молодежный манер, однако ему это шло и заметно омолодило. Сергей Петрович был в полном восторге и после этого ходил только к Толику, причем не реже, чем раз в две недели, а то и чаще – это помогало сохранить прическу в нужном виде.

С Толиком у Сергея Петровича установились дружеские отношения, они все время с ним болтали о том о сем, и в какой-то момент Толик даже раскрыл Сергею Петровичу Страшную Тайну. Оказывается, если Толик во время очередного визита стриг исключительно машинкой, а не ножницами и машинкой, как обычно, то это означает, что Толик со вчера находится со страшного бодуна.

Однако даже одной машинкой Толик стриг так, как полагается, то есть мастерство он еще не пропил, так что Сергея Петровича все вполне устраивало.

Элина явно заметила и оценила работу Сергея Петровича над собой и даже пару раз отпустила ему комплименты, говоря, что он очень правильно изменил стиль одежды и прически. «Я-то поначалу думала, – призналась Элина, – что буду работать у эдакого старичка, а оказалось, что я сильно ошибалась».

Сергею Петровичу эти комплименты было слышать очень приятно, но одновременно они его страшно смущали. Он очень боялся, что Элина на самом деле думает, что он – молодой старпер, а быть молодым старпером Сергею Петровичу страшно не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.